

В пятом году правления Хунъю император Мин Тайцзу Чжу Юаньчжань учредил особые учреждения — «Пагоды разъяснений» (Шэньминь тин), предназначенные для чтения законов, постижения истины, поощрения добродетели и подавления зла, разрешения мелких споров и содействия правосудию.

Там, где устраивали «Пагоду разъяснений», обязательно строили и «Пагоду поощрения добра» (Цзиншань тин). На стенах этих пагод вывешивали списки: с одной стороны — имена добродетельных людей и их поступки, с другой — имена злодеев и их проступки, дабы поощрять одних и устрашать других.

Во всех уездах, волостях и деревнях по всей стране, как в городах, так и в сельской местности, обязательно устраивали по две такие пагоды.

На картах уездных управлений почти всегда указывали их расположение.

В каждой волости (ли) выбирали одного пожилого, уважаемого и добродетельного человека для управления «Пагодой разъяснений». Его называли «лаожэнь» («старец»), а помогал ему староста волости (личжан).

Изначально должность «старца» передавалась по наследству и не переходила от одного к другому по очереди.

Обязанности «старца» напоминали функции «саньлао» («трёх старейшин») — сельских чиновников времён Цинь и Хань, ответственных за нравственное воспитание. Он регулярно собирал всех жителей своей волости и зачитывал им с разъяснениями такие документы, как «Дагао» («Великие наставления»), «Да Мин люй» («Уложение Великой Мин») и «Цзяоминь бан» («Указ о наставлении народа»), чтобы все домохозяйства знали законы, боялись их и не осмеливались нарушать.

Возможно, он также разъяснял «Шесть наставлений Святого»: «Будьте почтительны к родителям, уважайте старших, живите в согласии с соседями, наставляйте детей и внуков, каждый занимайтесь своим делом и не совершайте беззаконий», а также зачитывал «Сюаньюй» («Императорские воззвания»).

Согласно учреждённому основателем династии Мин порядку, каждое первое утро месяца (шу дань) канцелярия получала императорский указ и распространяла по всей стране одно «Сюаньюй» — воззвание, разъяснявшее народу, что именно следует делать в текущем месяце. Это воззвание отправлялось из префектуры Шуньтяньфу и доходило до самых отдалённых уголков Поднебесной.

Например, если в июне народу полагалось уплатить летний налог, в «Сюаньюй» напоминали: «Каждый да соблюдает свой долг и своевременно платит налоги и несёт повинности».

Помимо наставнических обязанностей, «старец» также разрешал мелкие споры между

домохозяйствами в своей волости.

Согласно «Указу о наставлении народа», составленному по указу императора Мин Тайцзу: «Все мелкие споры между людьми — о браках, земельных наделах, драках и прочих бытовых конфликтах — запрещено сразу же доносить властям. Споры обязательно должны быть сначала рассмотрены местным старостой и старцем».

Если кто-то всё же подавал жалобу в уездное управление, минуя «старца», его, независимо от обоснованности жалобы, сначала наказывали шестьюдесятью ударами палок, а затем возвращали обратно «старцу» для разбирательства.

Поскольку задача «старца» заключалась в нравственном наставлении, разрешении споров и разъяснении императорских указов и воззваний, как местные чиновники, так и простые жители относились к нему с глубоким уважением и почитали под именем «Фанцзинь юйши» («Императорский цензор в квадратном платке»).

«Пагода поощрения добра» была устроена гораздо проще: там лишь вывешивали объявления, прославлявшие местных благочестивых сыновей, добродетельных внуков, верных жён и целомудренных вдов, дабы таким образом наставлять и вдохновлять народ.

Хотя нынешняя династия — не Мин и не Цин, она сохранила минские институты и по-прежнему повсеместно, в каждом уезде и деревне, устраивает «Пагоды разъяснений». Местные жители выбирают честного и справедливого «старца», сообщают об этом властям для регистрации, и все мелкие бытовые споры сначала рассматриваются именно им в «Пагоде разъяснений».

Лишь если примирение невозможно, дело передаётся в уездное управление.

А ведь они уже прошли мимо главных ворот! Вэнь Жун чувствовал: дело явно не из простых. Если бы это было что-то незначительное, его разрешили бы прямо в «Пагоде разъяснений». Обычные люди, как правило, вообще не заходят внутрь уездного управления. А он не только вошёл, но и беспрепятственно прошёл аж до третьего двора — и даже дальше!

Более того, он лично увидел женскую часть дома — саму супругу уездного начальника!

Пусть она и была в сопровождении нескольких служанок и нянёк, всё равно это выглядело несколько неприлично.

А ещё по дороге неожиданно появился советник Мао — в таком суетливом, тревожном виде, что грубо перебил саму супругу уездного начальника, не дав ей даже закончить фразу, и тут же увёл его, Вэнь Жуна, прочь.

И повёл напрямиком... в задние покои? В задние покои?!

Задние покои!

В древности разделение между мужчинами и женщинами было делом серьёзным — не просто так говорили. В благородных семьях женщины редко покидали внутренние покои своего дома.

Как гласит поговорка: «Не выходят за главные ворота и не переступают второй порог».

Задние покои — это частная, сокровенная территория семьи. Лишь самые близкие люди — родственники по давней дружбе или по крайней мере семьи, связанные «дружбой под одной крышей» (тунцзячжихао) — могли беспрепятственно входить туда.

Однако, не успели они дойти до входа в задние покои, как навстречу выбежал мальчик-слуга лет десяти:

— Господин и все господа уже ждут вас в «Сюйшоу тан» («Зале скромного принятия») спереди!

— Мы что, не заметили? — нахмурился советник Мао.

— Только что прошли туда, — тихо ответил мальчик. — И дядюшка госпожи тоже пришёл. Ведь это же задние покои, а госпожа всё ещё здесь...

Советник Мао глубоко вздохнул:

— Пойдёмте обратно, учёный Вэнь.

— Хорошо, — спокойно ответил Вэнь Жунь и последовал за ним. Он не задавал лишних вопросов, не болтал и вообще не произнёс ни слова.

Советник Мао, к своему удивлению, обнаружил, что Вэнь Жунь — человек крайне сдержанный. Он решил немного поговорить с ним по дороге.

Ведь как же так: обычный сюйцай приходит в уездное управление — разве он не боится, что его ждут неприятности?

Лучше бы заранее объяснить ему суть дела, чтобы тот был готов морально и не вспылал в самый неподходящий момент.

Ведь на стороне советника Мао стоял сам уездный инспектор образования! Если всё пойдёт не так, его господину («донгуну») действительно грозит полный крах.

В «Сюйшоу тан» уже кто-то был.

Зал был устроен очень просто: всего одна большая комната, внутри — кровать, восьмигранный стол и пара кресел «тайши».

Сейчас в этих креслах сидели двое мужчин в повседневной одежде, без чиновничьих мундиров.

За спинами каждого стояли их слуги, а у самой двери — ещё один юноша, лет семнадцати-восемнадцати. На нём были роскошные парчовые одежды, но он выглядел растерянным и напуганным, будто остолбеневший. В руке он сжимал складной веер, а на поясе висели нефритовая подвеска и ароматный мешочек — явно богатый барчук из знатной семьи.

Видимо, он натворил что-то серьёзное: весь его вид выдавал полное отсутствие духа и уверенности.

Хотя оба сидящих не носили чиновничьих одежд, Вэнь Жунь по воспоминаниям прежнего «я» сразу узнал их: один — сам уездный начальник, другой — знакомый господин, с которым они недавно встречались в даосском храме.

— Ученик кланяется господину уездному начальнику, — Вэнь Жунь сначала поклонился тому, кого знал, а затем перевёл взгляд на второго.

— Вэнь Жунь, Вэнь Жу Юй! — произнёс тот, поглаживая бороду и улыбаясь. — Я — Чжан Сянь, Чжан Цинчжэн, уездный инспектор образования (Сюэчжэн) уезда Юнцин.

Инспектор образования?

Эта должность была весьма примечательной.

Её полное название — «Тиду сюэчжэн» («Надзиратель за учебными заведениями»).

Это была особая должность без чёткого ранга в иерархии центрального правительства. Инспектор образования ведал провинциальными экзаменами и всеми вопросами образования, являясь главным чиновником по образованию и экзаменам в провинции. В народе его называли «Сюэтай» («Учебный наставник»).

Обычно на эту должность назначали из числа заместителей министров (ранг «цун эр пинь» — второй ранг, младший), высших столичных чиновников (чиновники ведомств Далисы, Тунчжэнсы, Гуанлусы и др., обычно третьего-четвёртого рангов), сотрудников Академии Ханьлинь (сюаньчжуань, бяньсю, шиду, шицзян — пятого-шестого рангов), членов Шести палат Цензората («кэ» — главы палат, пятый ранг), инспекторов-цензоров («дао» — пятнадцать инспекций Цензората, младший пятый ранг) или начальников департаментов министерств («ланчжун», пятый ранг), но обязательно — из числа выпускников императорских экзаменов (цзиньши).

Поэтому у инспекторов образования не было единого фиксированного ранга: если его назначали из заместителей министров — он получал второй младший ранг, если из начальников департаментов — пятый старший. Но одно было обязательно: назначаемый должен был быть выпускником двух экзаменов — провинциального и столичного («лянбан цзиньши»).

Инспектора образования также называли «Сюэтай», «Сюэюань» или «Сюэсянь».

В отличие от провинциальных чиновников — буцзинши (начальника провинциальной казны) или аньчашы (начальника судебного управления), — инспектор образования формально не считался местным чиновником. Его лично назначал император, и по своей природе он скорее напоминал императорского уполномоченного (цинъча), хотя и не имел права «объезжать провинции от имени Неба». Однако его миссия — надзор за образованием — была крайне важна для государства, ведь именно через образование выращивались будущие таланты для императорской службы. Кроме того, повсюду, куда бы он ни прибыл, он общался преимущественно с учёными-кандидатами, особенно молодыми, а значит, лучше других знал настроения и положение дел в регионе.

Вэнь Жунь не сразу узнал в нём инспектора образования — просто в прошлой жизни, когда он сдавал провинциальные экзамены (сянши), он лишь мельком видел его издали и не запомнил. Потом спешил домой — его собирались выдать замуж.

Если бы он сдал экзамены и стал цзюйжэнем (кандидатом на столичные экзамены), то на «Пиру Лу Мин» (банкете для новых цзюйжэней) он бы обязательно встретился с инспектором образования лично, уже не издали.

Ведь после получения звания цзюйжэня обязательно устраивался «Пир Лу Мин», где все новые цзюйжэни знакомились друг с другом и с высшими чиновниками.

Но раз он не стал цзюйжэнем, то и не знал инспектора — в этом не было ничего удивительного.

Тем не менее, Вэнь Жунь на мгновение опешил, а затем снова учтиво поклонился:

— Ученик Вэнь Жунь кланяется Сюэтай!

<http://bllate.org/book/15642/1398044>